

В мире совершенствующихся превыше всего ценится сила. Се Цинъяню, чтобы доказать свою невиновность, требовался записывающий кристалл, а вот Сяо Вану — нет.

Его имя говорило само за себя. Никто не знал, кем он был до своего возвышения, но с тех пор, как он начал часто появляться в мире совершенствующихся, он вел себя крайне дерзко и своевольно.

Считаешь, что он неправ? Убить.

Сплетничаешь у него за спиной? Убить.

Убить, убить, убить.

В любом случае, мало кто мог с ним сравниться в бою. До вступления в секту он придерживался именно такого жизненного принципа. Если бы этот человек не был прописан в книге как злодей, он вполне мог бы стать главным героем.

Се Цинъянь невольно задавался вопросом: судя по характеру Сяо Вана, тот не из тех, кто готов терпеть оковы секты, так почему же он так покорно здесь остался?

Он внимательно пригляделся, но ничего не понял, поэтому решил пока отложить эти мысли в сторону и сосредоточиться на борьбе с негодяями.

Гу Уци, увидев, как обошлись с его учеником, вспыхнул от ярости. Он было потянулся за целебной пилюлей, чтобы дать её Юань Чанъяню, но, вспомнив недавнюю сцену, вытряхнул содержимое флакона прямо на ладонь.

Там лежали черные, непонятные комки.

Он с силой растер их пальцами, и в воздухе распространилось зловоние. Окружающие мгновенно поняли, что это за субстанция.

— О боже, это же птичий помет! Получается, мастер Юань только что скормил это своему ученику?

— Ой, ну надо же...

— Как же пилюли превратились в птичий помет? Вот уж не повезло. Кто же оказался таким шутником? А этот человек, дикий, как лесной зверь, он вообще кто?

Шум толпы нарастал. Гу Уци с яростью швырнул флакон на землю, разбив его вдребезги, а затем посмотрел на своего любимого ученика.

Юань Чанъянь, услышав перешептывания, едва не вывернул желудок наизнанку. Гу Уци было

больно на него смотреть, но поскольку все остальные флаконы, которые он доставал, оказывались наполнены тем же пометом, ему оставалось лишь использовать духовную энергию, чтобы призвать воду и промыть ученику рот.

При этом он не забывал грозить:

— Аньань, не волнуйся, учитель обязательно заставит их ответить за это.

Се Цинъянь с интересом наблюдал, что же тот собирается предпринять. Скоро должен был вернуться глава секты, и он гадал, как долго еще этот наглец сможет строить из себя жертву.

Окружающие, услышав слова Гу Уци, замерли. В конце концов, именно он был главным гостем сегодняшнего банкета. Но при таком появлении... на фоне оклеветанного Лорда Мечей он выглядел куда менее благородно.

Се Цинъянь, увидев это, ухватился за рукав Сяо Вана и жалобно захныкал. Он выглядел безупречно чистым в одеянии закрытого ученика, его прекрасное лицо омрачила печаль, а сведенные к переносице брови выражали крайнюю степень обиды.

Он казался таким слабым и беззащитным, что окружающие мгновенно забыли о его недавних выходах.

В отличие от Юань Чанъяня, который стоял напротив: его рвотные массы липким слоем покрывали одежду, не вызывая ни капли сострадания. Даже Гу Уци, который только что твердил, что не брезгует, невольно отступил на шаг.

Юань Чанъянь заметил это движение, и сердце его похолодело.

Се Цинъянь, всё видевший, захлопал глазами, и крупные слезы покатились по его щекам. Сяо Ван растерялся от такой перемены, поэтому просто позволил ученику вытирать слезы о свой рукав.

— Ученик, перестань плакать.

Слушая это, Се Цинъянь мысленно выругался: ну до чего же прямолинейный человек! Но эти слова стали отличным предлогом. Он прильнул к учителю и начал сбивчиво жаловаться на свою горькую судьбу, намеренно усиливая голос с помощью духовной энергии, чтобы услышали все вокруг.

Рассказывал он, конечно, о событиях сегодняшнего дня.

Шепот толпы привел Юань Чанъяня в замешательство. Он остро почувствовал, что что-то идет не так. Разве Се Цинъянь способен на такое? Обычно тот в гневе терял дар речи, и это

позволяло Юань Чанъаню вставлять свои реплики, перетягивая симпатии окружающих на свою сторону. Но что происходит сейчас? Столь связная речь совсем не в духе Се Цинъяня.

Се Цинъянь чувствовал на себе его взгляд, но ему было плевать, что тот о нем думает. Как бы там ни было, он больше не позволит ему одержать верх.

Он прижался к груди Сяо Вана, и, то ли из-за близости, то ли по иной причине, почувствовал жар в животе. Се Цинъянь машинально погладил себя по животу, нахмурившись — что-то было не так. Он принимал пилюли, и по логике духовная энергия должна была переполнять его, а не вызывать голод.

Что-то пошло не так. Видимо, когда сегодняшний вечер закончится, придется во всем разобраться.

Сяо Ван заметил его движение и решил, что ученик страдает от спазмов из-за гнева. Его рука, покоившаяся на талии юноши, поднялась выше.

— Разозлился?

Се Цинъянь почувствовал широкую теплую ладонь, которая принялась мягко массировать его живот, словно в детстве, когда он мучился пищеварением. Его сердце пронзила волна нежности.

Пусть он прямолинеен, пусть! Сяо Ван, должно быть, просто хочет помочь своему ученику, считая его ребенком. Он даже не догадывается, что для Се Цинъяня это звучит как самое настоящее искушение.

— Учитель, у-у-у, ты такой добрый. Ты самый лучший учитель в мире! — Се Цинъянь крепче обнял его за талию, расплываясь в лучезарной улыбке.

Услышав лесть, Сяо Ван, обычно невозмутимый, слегка приподнял уголки губ.

— Разумеется. Я ведь не стану, подобно старейшине Цин Чэню, кормить своего ученика птичьим пометом. Столь мелочный поступок недостойн наставника.

Наставника? Се Цинъянь на мгновение замолчал. Ну да, их отношения сейчас вряд ли можно назвать подобающими, так что судить других им, пожалуй, не стоит. Но ему было все равно. Сяо Ван не знал, а Небесный Путь ничего не мог с ним поделать. И что с того, если он даже сейчас, на глазах у всех, открыто заигрывает с учителем?

Впрочем, учитель может рассердиться, так что лучше пока воздержаться. Да, только пока.

Он поддакнул учителю и, глядя на всё чернеющие лица Юань Чанъяня и его наставника, с вызовом выпятил губу. Не нравится, когда их же методы используют против них самих?

Поделом.

Они перебрасывались фразами, доводя Юань Чанъяня до безумия. Тот не мог ответить — вокруг было слишком много людей, и он не мог позволить своей репутации окончательно рухнуть. Ему оставалось лишь по привычке искать поддержки у старших братьев и сестер.

Возможно, именно этот взгляд заставил Цзянь Имина, словно заведенного, выскочить вперед и, тыча пальцем в Се Цинъяня, закричать:

— С тебя хватит! Ты сегодня очернил моего младшего брата всякой грязью, а теперь, когда он и наш учитель пострадали, кто, если не ты, за этим стоит?

Се Цинъянь мысленно кивнул. Слепой кот наткнулся на дохлую мышь, а ведь угадал. Это действительно его рук дело. Но есть ли доказательства?

Се Цинъянь промолчал, лишь бросив взгляд на вход в главный зал. Вот теперь представление по-настоящему начиналось.

— Что здесь происходит?

Пожилой мужской голос донесся от дверей. Все обернулись и увидели знакомую фигуру.

Глава секты Сюаньюань Тяньцзун — предок Даньян.

Се Цинъянь усмехнулся, обвел взглядом лица присутствующих и, вдыхая холодный аромат бамбука, исходящий от учителя, приготовился смотреть, как разворачивается главное действие.

<http://bllate.org/book/22473/2365830>